

РЕЛИКВИИ ВОЕННЫХ ЛЕТ (ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА)

Прошло семьдесят два года со дня Победы в Великой Отечественной войне, но вновь и вновь мы находим и открываем имена героев, которые защищали нашу Родину от фашистского нашествия, пополняя ряды Бессмертного полка.

Раскопки «Снежного десанта», воспоминания ветеранов, родственников, архивные документы музеев, военкоматов, дневники очевидцев, фронтовые письма...

Откликнувшись на призыв Национального музея РТ, жительница Казани принесла стопку пожелтевших, истрепанных по краям листов. Оказалось, что это письма казанского паренька Юры Чернышева (официально Георгия Чернышева, или просто «Юрки», как он подписывался в письмах) к любимой девушке Тамаре. Перед войной Юра учился на физико-математическом факультете Казанского университета, а Тамара изучала химию. Девушка занималась теннисом, являлась одной из «сильнейших игроков» «Спартака», принимала участие в первенстве Казани по теннису. Юра тоже занимался спортом, часто посещал стадион «Динамо». На корте этого стадиона он впервые увидел Тамару. В конце 30-х годов началась их дружба. В 1942 году Юрий был призван в армию, а в июле направлен в школу молодых командиров, затем, как человека, имеющего высшее образование, на курсы по подготовке среднего комсостава для артиллерии в г. Белорецк Башкирской ССР. В своем письме к Тамаре он пишет: «...Сегодня исполнился месяц, как я занимаюсь в школе. Осталось не так уж много, всего зима – пять месяцев, и Юрка будет командиром-артиллеристом. Учусь неплохо, т.к. дисциплины интересные. Наша группа по образованию подобрана однородно, все как я, или неоконченное высшее. Самое трудное для меня – это строевая подготовка, топаешь по плацу, как гусь, честное слово! И еще – это подъем, нужно за 2 минуты одеться, а, главное, обуться. Одеть ботинки, зашнуровать их, а затем намотать обмотки. А в остальном учеба напоминает студенческое время, правда, за исключением строгого распорядка и свободного времени – его совершенно нет...» [1] (письмо от 13.09.42 г.) В 1943 году попадает на фронт и в июле участвует в ожесточенных боях, видимо, под Курском. «...А бои сейчас идут у нас сильные, кончился наш отдых <...>. Но настали бои, грандиозность которых затмевает все до сих пор бывшие. Особенно сильный бой был 10-го числа, враг пустил на нашем участке несколько сот танков, в небе стаями воронья кружились его стервятники, грохот взрывов заглушал

человеческий голос, а солнце скрывалось за завесой поднятой вверх земли. И не смотря на это, враг не прошёл.

Не малая заслуга в этом принадлежит, говорю не хваясь, нашей русской артиллерии, опускавшей его самолёты на землю, поднимающей его танки на воздух, а пехоту его отправляли по желанию их, или в землю закапывали сразу, или поднимали на небо. Конечно, и нам достается крепко, но ведь на то и война. Сейчас ты меня бы едва ли сразу узнала, ходим все грязные, обросшие, все в земле; но на это мы на неё не в обиде, ведь она матушка нас и спасает и укрывает, как говорится, и живого и мертвого принимает...»[2]

В коллекции сорок два письма, из них – тридцать одно письмо написано в годы Великой Отечественной войны. Потертые на местах сгибов листы, с обветшалыми краями, написанные карандашом, с полуистершимися строками. Писались они и на отдыхе, и в землянках, недалеко от переднего края, после боя. Война оторвала Юру от мирной жизни и сделала солдатом. Он пишет о своей фронтовой жизни, о сражениях, о досуге между боями.

Юра верил в то, что война ненадолго, что вскоре они с Тamarой опять увидятся «... Там, далеко на востоке от меня, есть любимая девушка, которая сегодня, я знаю, вспоминает обо мне. Да, Томка, как хочется увидеться с тобой, обнять тебя, поцеловать! Я знаю, мы с тобой увидимся, как это будет хорошо! А пока приходится ждать. Ну что же, хотя издалека pošлю тебе привет, вместе со мной посылают тебе привет мои товарищи <...> А пока, желаю тебе встретить как можно лучше 26 годовщину, а 1 Мая будем встречать вместе. Конечно, старое не вернется, не будет уж больше трёх мушкетёров: Женьки, Ванюшки, меня, война разбросает нас по всем уголкам страны, но наша любовь останется!

Ну, дорогая моя Томка, пока до свидания! Пиши, жду ответа!» [3]

Как человека молодого, его волнуют отношения с Тamarой, он рассуждает о любви и дружбе, интересуется подробностями тыловой жизни в Казани. Читая письма Юрия, представляешь его умным, рассудительным, одаренным молодым человеком. Его письма грамотны, свои мысли выражает различными художественными средствами, используя богатство родного языка. Находясь на войне, он проявляет глубокий интерес к искусству и

литературе, замечает красоту природы. и переписка, которая продолжалась всю войну до гибели Юрия.

«Здравствуй, Томка!

Пользуюсь свободным временем, чтобы снова написать тебе пару теплых слов. Сейчас ты должна получить от меня подряд три письма, написанных мною 6, 7, 8 ноября. Стоим пока на старом месте, город от нас недалеко (км 30). Но поехать туда никак нельзя, т.к. каждую минуту ждем приказа двигаться дальше. Противник сейчас в панике бежит, так что обходятся пока и без нас, к тому же с тылу им поддают жару партизаны, и те фрицы, которые успевают сдаться в плен считают себя бесконечно счастливыми.

Погода стоит глубоко осенняя – моросит мелкий дождичек, временами переходящий в снег. И хотя лес сейчас стоит печальный, мокрый, покинутый своими пернатými певцами, — только слышится «пинь-пинь» синицы, он для меня имеет своеобразную прелесть: вспоминается и хождение за грибами и охота, когда мы ходили вдвоём со Славой, а главное – осенние тренировки нашей лыжной секции. Люблю я так же осенний бодрящий, прозрачный воздух – хрусткий, как новый рубль. Но всё-таки большую часть времени провожу в «своём доме». Здесь часто у непотухающего «камина» — сиречь железная печурка, разгораются жаркие споры по вопросам искусства, истории, географии, а главное читаю, читаю всё, что удастся достать, и Пушкина, и о Пушкине (например, «Пушкин в жизни» Вересаева – замечательная книга!), Шиллер и Некрасов. Сегодня читал своим ребятам «Русские женщины» Некрасова – на всех произвело большое впечатление, да и мне она больше всего нравится у Некрасова...» [4]

«Здравствуй, дорогая моя Томка!

Давно не получаю от тебя писем, теперь я уже не спрашиваю тебя – «Томка! Почему ты не пишешь?» Так как теперь возможно вовсе не получу от тебя ни одного письма! Но не смотря ни на что – ты моя мечта, в которую я верю. Теперь я далеко от твоего города, быстро продвигаемся к старой границе, но вчера мы остановились на дневку. Стоим в лесу на хуторе, раньше здесь помещался лестехникум, было много студентов, был парк, цветники, а сейчас здесь тихо и безлюдно, многие здания разрушены. Кругом грязь и запустение, вся эта картина становится еще тоскливее под ме(лкими) каплями дождика (правда, погода теплая). Жители понемногу возвращаются из леса,

где они прятались от немецких «вызволителей». Сегодня наша хозяйка откопала патефон, я целый вечер наслаждался им. Вспомнилась студенческая жизнь, и ты, дорогая моя. Действительно, Томка, как поёт Кэто «... если будешь счастлива с другим – вспомни обо мне!» [5]

Когда войска Советской Армии пересекли границу, и бои стали вестись на территории других государств, Георгий пишет о своих впечатлениях о жизни в этих странах.

« ...Напишу несколько слов о своей жизни. Побывал во многих больших городах Западной Украины и Польши. Польские города — небольшие, чистые — мне понравились, а полячки не испортили своей репутации как красивые женщины. Встречают нас здесь очень радушно. Может быть, придется побывать во втором по величине и старейшем городе Польши. Купался в самой крупной реке Польши. Живу хорошо, но чувствую, что беспечная юность осталась позади.

Очень хотелось бы на тебя посмотреть, ну да это уже не сбудется.

Пусть мой последний поцелуй будет, как наш первый! Прощай! Юрка» [6]

« ..За окном воет ветер, идет дождь, погода соответствует моему настроению, хотя никаких внешних поводов к этому нет. Я нахожусь в теплом помещении, сухой, жизни моей не грозит опасность. Может быть это от того, что мысли мои далеко в прошлом, когда мы были с тобой вместе, и от этого сейчас становится немного грустно. Праздник я провел хорошо, в среде своих боевых товарищей, но мысли мои все время направлялись к тебе. Конечно, финиш уже близко, но все же самые большие препятствия стоят ещё впереди. Как для каждого из нас окончится он – неизвестно, поэтому будущего для нас нет. Есть только настоящее. Если я останусь жив и невредим, конечно, я вернусь к тебе, найду «эту улицу», найду «этот дом», поднимусь по знакомой лесенке (ах, какая это знакомая лестница, ты помнишь, как мы сидели на ней до поздней ночи и украдкой целовались? Или как прощались на ней, возвратясь из кино или прогулки), услышу знакомый запах духов, увижу тебя, но какую, прежнюю Томку или нет? <...> Дорогая Томочка, меня все же удивляют столь мрачные твои мысли. Я тебя знал как очень жизнерадостную девушку. Твой образ встает в моей памяти всегда в движении. Как бы тяжело ни было, надо бороться с этим настроением, а у тебя есть товарищи, друзья, а

с ними не страшно никакое горе, никакая беда. А ты поступила наоборот, неправильно, замкнулась в своем горе, конечно, от этого оно станет ещё тяжелее. Пословица говорит: «Кто разделил со мной горе – тот найдет долю в моей радости». А потому не молчать, а писать чаще должна была ты. Все что я могу сделать для тебя в отношении материальной помощи – сделаю. Ещё раз жалею, что мы не поженились, тогда моя помощь была бы более действительной. Я сейчас завидую тем товарищам, которые имеют дома семью, детей. Ведь наша дружба может прекратиться в любой момент, а если меня убьют, — никто не вспомнит обо мне, не скажет «твой папа погиб на фронте, будь таким, как он».

Ну, дорогая моя Томка, мужайся, скоро увидимся, заживем так, что все завидовать будут, — нет, так не надо, чтоб завидовали, правда, а?

Целую тебя крепко, крепко, целую твои глаза, твои волосы.

Будь здорова. Пиши как можно чаще. Я даю тебе слово, что буду писать каждую пятидневку письмо.

Твой Юрка» [7]

. « ..Недавно мы праздновали только свой праздник — День артиллерии, в этот день к нам приехали артисты, и знаешь откуда? Из Москвы! Дали нам замечательный концерт, артисты были подобраны сильные, из Малого театра, из студии Радиокомитета, из филиала Большого театра. Совершенно отсутствовала халтура, что мне очень понравилось. Этот концерт разбудил массу воспоминаний, захотелось пойти на настоящий концерт в хороший театр, и конечно, не одному. Томка! Скажи, когда мы с тобой пойдем в театр? В мае месяце, говоришь? Хорошо! Жду мая...» [8]

«Здравствуй, дорогая моя родная Томка!

Поздравляю тебя еще раз с наступающим новым годом!

Как ты живешь, моя дорогая чемпионка? <...> меня перевели на другую работу. Пришлось расстаться с людьми, с которыми провоевал около двух лет плечом к плечу. Недавно был у них в «гостях», знаешь, попал как будто к себе домой, до чего люди сживаются на войне, ведь и ругал их и наказывал, а сейчас жаль их как родных. Но и они мне платят таким же

чувством. Этот новый год приходится встречать в странных условиях, — снега у нас нет, недавно только кончились идти дожди, сейчас стоит тихая ясная погода с легким морозцем, когда воздух так прозрачен, что боишься резким криком расколоть его хрустальную неподвижность, в такие минуты безумно хочется увидеть тебя, пройтись с тобой, заглянуть в твое дорогое лицо, но вдруг с змеиным шипением проносятся над головой снаряды и тяжело ударяются в землю, застрекотали как швейные машины пулеметы, где-то как будто разрывают куски материи, то ведут огонь немецкие автоматчики, и пошло ... Плотней прижимаешься к земле, когда фонтаны земли вскидываются высоко в небо и потревоженные в своем вековом покое тревожным эхом отзываются леса на горах.

Поэтому так часто в свободные минуты вспоминаешь прошлое и юность, вечно прекрасную юность! Не хочется думать, что все это уже прошло и не вернется. Как хочется верить, что все вернется, и юность, и первая любовь с первым поцелуем, жгучий, как удар тока! Ты помнишь это, Томка? ...» [9]

« <...> Я пишу тебе письма, но они, увы, остаются без ответа. Чем дальше я ухожу от тебя, тем мне ближе хочется быть с тобой, чем дольше идет время, тем мне скорее хочется увидеть тебя. Сейчас я нахожусь в Германии, идет дождик, снег нас порадовал всего лишь на неделю, а я уже даже лыжи приготовил. Интересно, как у вас погода, катаешься ли ты на коньках, и вообще, как ты проводишь время, как твоё здоровье. Пиши, дорогая моя Томка, пиши. Какие мои впечатления о Германии? Скажу, что жили здесь неплохо, резкая противоположность Польше. Жителей нет, все уходит, остаются кое-где старики да старухи...» [10]

« ...Сейчас живу в лесу в сосновом. В солнечный день ляжешь на спину на полянке и смотришь как бегут по голубому небу белые, белые облака, и вдруг уже не облака бегут, а верхушки деревьев на тебя падают, а мысли в это время далеко-далеко уносятся к счастливому времени беззаботной юности и в такт этим мыслям назойливо звенит комар, да вдруг перестал – значит кусаться сейчас будет, подлый! И не верится, что идет война, рядом в 300 метрах от тебя сидят твои заклятые враги, и, может быть, своими бесцветными лягушачьими глазами так же смотрят в бездонный океан неба. И вдруг всё разом пропадает, и дорогие картины прошлого, и голубое небо, и яркое солнце, сердце болезненно сжимается, ухо уже не улавливает писк комара, а тревожно прислушивается к змеиному шипению мин, к злобному визгу легких и нарастающему вою тяжёлых снарядов. Впереди словно рвут материю – то

заработают немецкие автоматы, пули с коротким свистом вгрызаются в деревья, а вот – та-та-та — заработали наши «максимы». И снова чувствуешь себя на фронте военным человеком, быстро бежишь на своё место, начинается бой.

Вот так мы и живём, а в общем – спокойно. Пишем письма, читаем, занимаемся, иногда развлекаемся. И так снова до боя. Теперь, как никогда, хочется жить, ибо конец войны близок, и нам, рядовым солдатам Отечественной войны, засияла впереди ослепительная звезда победы. И до этого момента хочется дожить...» [11] 3.4.45. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Георгий Чернышев дослужился до звания старшего лейтенанта, стал начальником разведки дивизиона Первой гвардейской артиллерийской Глуховской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. В ходе боев на Украине в районе Ясногородка – Ровы, а также в районе с. Ходачкув-Вельке и Холонов при прорыве обороны фашистов им были обнаружены вооружения противника, и при точной корректировке огня батареей, уничтожены. Этим самым было обеспечено продвижение вперед советских войск. За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество был награжден орденом «Красной Звезды» (ноябрь 1943 г.) и орденом Отечественной войны II степени (сентябрь 1944 г.) [12]

« ...Здравствуй, дорогая Томочка!

Не знаю почему ты не получаешь моих писем. Наконец-то я получаю твои письма более или менее регулярно. <...>Томка, дорогая, я люблю тебя, люблю сильно. И напрасно ты обижаешься на мои резкие слова и обижаешь меня сама. Не к чему это. <...> Да, прошлое не вернется, Томка, а года идут. <...> И об одном только прошу тебя, дорогая Томка, если я погибну, а это в порядке вещей, так пусть твоя жизнь будет счастлива, так как она будет [добыта]очень дорогой ценой, ценой крови. Это счастье будет мой последний дар тебе. Береги его. А если я останусь жив, то мы должны быть счастливы, так как это счастье куплено дорогой ценой. <...> Прощай. Скоро иду в бой. Целую тебя. Твой Юрка». [13]

Это последнее письмо в коллекции, которое пришло от Юрия. Чернышев Георгий Владимирович не дожил до Великой Победы, он погиб 19

апреля 1944 г. и захоронен в польском городе Жары на воинском кладбище.[14]

«Из всех мемуаров о минувших годах

Треугольникам старым предпочтенье отдай.

Пусть их чаще читают роты юных бойцов,

Пусть те письма считают завещаньем отцов.»

Примечания:

1. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 13 сентября 1942 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/18

2. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 13 июля 1943 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/21

3. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 7 ноября 1943 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/24

4. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 10 ноября 1943 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/25

5. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 13 ноября 1943 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/26

6. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 8 августа 1944 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/28

7. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 7 ноября 1944 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/30

8. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 22 ноября 1944 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/31

9. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 26 декабря 1944 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/37

10. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 5 февраля 1945 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/40

11. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 3 апреля 1945 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/41

12. www.podvignaroda.mail.ru

13. Письмо Г. Чернышева Т. Скобелевой от 9 апреля 1945 г., НМ РТ, фонды, инв. № 35744/42

14. Книга Памяти Республики Татарстан. Т.13 / [гл. ред. Р.Р.Идиятуллин].-Казань: Изд-во Книга Памяти, 1995. – 506 с.

Тарасова О.В., старший научный сотрудник

отдела изобразительных и документальных

источников